

An artistic illustration of a young man and woman standing back-to-back, looking out over a sunset. The man is on the left, wearing a dark blue shirt, and the woman is on the right, wearing a light-colored top. The background is a vibrant sunset with orange and purple hues, and some dark foliage is visible in the top right corner.

Взлетерти

ЛЮСИ КРИСТОФЕР

Перевод Ульяны Сапциной

Young
Adult

МИО

Люси Кристофер Взаперти

Серия «Red Violet. Задержи дыхание»

Серия «МИФ Проза»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48692997

Люси Кристофер. Взаперти: Манн, Иванов и Фербер; Москва; 2023

ISBN 9785001958475

Аннотация

«Я легко могла бы уйти. Но мне почему-то уже не хотелось».

Джемме – шестнадцать лет, вместе с родителями она ждет посадку в аэропорту

Бангкока и отлучается на минутку за кофе.

Таю – двадцать пять, он угощает Джемму кофе, а затем похищает ее и увозит в Австралию, чтобы запереть в бескрайней пустыне.

Тай практически идеален, и он влюблен в Джемму. Может ли сила его любви заставить Джемму полюбить его в ответ?

Содержание

Взаперти	6
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Люси Кристофер Взаперти

Original title:

STOLEN

by Lucy Christopher

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Original English language edition first published in 2009 under the title STOLEN by The Chicken House, 2 Palmer Street, Frome, Somerset, BA11 1DS

All character and place names used in this book are © Lucy Christopher 2009 and cannot be used without permission.

Text copyright © 2009 Lucy Christopher

The Author has asserted her moral rights.

All rights reserved.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

*Маме и Саймону, которые помогли мне, и
пустыне, которая вдохновляла*

Взаперти

Ты увидел меня раньше, чем я тебя. В аэропорту, в тот августовский день, у тебя был такой взгляд, будто ты чего-то ждал, и ждал уже давно. Никто и никогда прежде не смотрел на меня так внимательно. Это встревожило и, наверное, одновременно удивило. Льдисто-голубые глаза следили за мной так пристально, будто я могла их согреть. Знаешь, в них ведь немало силы, в этих глазах. Как и красоты.

Ты часто заморгал, встретившись со мной взглядом, и отвернулся, словно занервничал... словно тебе стало неловко, что ты секунду назад пялился на случайную девчонку в аэропорту. Но нет, совсем не случайную, правда? А сыграно было неплохо. Я купилась. Забавно: всегда считала, что голубым глазам можно верить. Думала, их обладатели как-то надежнее, что ли. Все хорошие парни как один голубоглазы. А темные глаза – это для злодеев... Мрачного Жнеца, Джокера, зомби. Сплошь тьма.

С родителями я поссорилась. Мама завелась из-за моего откровенного топики, папа просто не выспался, и его всё раздражало. Так что, когда я увидела тебя – решила: отлич-

ное выйдет развлечение. На это ты и рассчитывал, да? Ждал только, пока родители достанут меня, чтобы подкатить? До того как ты подошел, я уже знала, что ты за мной следишь. Я видела тебя раньше... где-то... не могла вспомнить.

Вроде я заметила тебя еще в Лондоне, ты постоянно мелькал где-нибудь поблизости. То в очереди на регистрацию, с этой твоей маленькой сумкой – ручной кладью. То в самолете. И вот теперь – здесь, в аэропорту Бангкока, ты сидел в кофейне, где я ждала заказ.

Пока кофе готовился, я возилась с деньгами. Я не оборачивалась, но знала: ты следишь за мной. Наверное, бредово прозвучит, но я просто чувствовала это, вот и всё. Волоски на затылке вставали дыбом всякий раз, когда ты моргал.

Придерживая стакан с кофе, кассир ждал, когда я отыщу деньги. На бейджике было написано «Кенни»; странно, что это мне запомнилось.

– Мы не принимаем британские монеты, – сказал Кенни, дождавшись, когда я отсчитаю нужную сумму. – Купюры у вас не найдется?

– В Лондоне потратила.

Кенни покачал головой и придвинул кофе к себе:

– Рядом с дьюти-фри есть банкомат.

Кто-то встал у меня за спиной, я обернулась.

– Давай я заплачу, – сказал ты. Голос звучал негромко и мягко, акцент был незнакомым. От твоей рубашки с короткими рукавами пахло эвкалиптом, на щеке виднелся шра-

мик. Ты смотрел так пристально, что я растерялась.

Купюру ты держал наготове. Иностранные деньги. Улыбался мне. Кажется, я тебя не поблагодарила. За это извини. Ты забрал у Кенни кофе. Стенки бумажного стаканчика немного смялись под твоими пальцами.

– Сахар? Один пакетик?

Я кивнула, смущенная тем, что ты рядом – говоришь со мной. Ну, ты понимаешь.

– Не беспокойся, я сам, – произнес ты и указал туда, где только что сидел. На столик между двумя искусственными пальмами, у окна.

Я мялась: идти или нет. Но ты легонько коснулся моей спины – даже сквозь ткань топики я почувствовала, какая рука горячая.

– Да ладно, всё норм, я не кусаюсь, – мягко произнес ты. – Других мест всё равно нет – если, конечно, не хочешь сесть вон там, с семейкой Аддамс.

Я оглянула пустые места по соседству с большим семейством. Двое младших детей ползали по столу, родители собачились возле них. Интересно, вот если бы я тогда села с ними? Мы, наверное, поболтали бы о детских каникулах и молочных коктейлях с клубникой. А потом я вернулась бы к родителям. Я снова посмотрела на тебя, улыбка обозначила морщинки вокруг губ. В густой голубизне твоих глаз таились секреты. Их хотелось разгадать.

– Я только что сбежала от своих родителей, – сказала я. –

И к другим пока не рвусь.

– Ну и правильно. – Ты подмигнул. – Значит, один сахар.

Ты проводил меня до столика. Присутствие других пассажиров придало мне уверенности. До столика пришлось пройти десять шагов. Я проделала их как в тумане и села лицом к окну. Ты вернулся к стойке за кофе. Оглянувшись, я увидела, как ты ставишь стакан и снимаешь крышечку. Как высыпаешь сахар, наклонив голову, и как от этого движения волосы падают тебе на глаза. Ты улыбнулся, когда заметил, что я наблюдаю. Может, в этот момент всё и случилось?

Кажется, я сразу отвернулась и засмотрелась на самолеты, взлетающие за стеклом. Один реактивный лайнер качнулся, оторвал задние шасси от земли и оставил хвост черного дыма. А в очередь за ним уже пристраивался следующий.

Ловкие у тебя, должно быть, руки, если ты справился так быстро. Интересно, прибегал ли ты к каким-нибудь отвлекающим маневрам, пытался ли скрыть свои действия от посетителей кафе – или всё равно никто не смотрел? Наверное, ты подсыпал в кофе какой-то порошок, совсем немного. Может, он даже выглядел как сахар. И на вкус был сладким.

Я снова обернулась, ты уже шел обратно, легко обходя пассажиров. Ни на одного из них ты даже не взглянул. Смотрел только на меня. Может, поэтому никто тебя не запомнил. Ты двигался как охотник, бесшумно скользя вдоль ряда вазонов с пластиковыми растениями.

Ты поставил на стол два стакана с кофе, один пододвинул

ко мне, второй так и остался нетронутым. Взял чайную ложку и небрежно завертел ее в руках – обводил вокруг большого пальца и подхватывал, не давая упасть. Я пыталась разглядеть твое лицо. Ты был красив особой, мужественной красотой и оказался старше, чем я думала. Слишком взрослый, чтобы сидеть там со мной взаправду. Лет двадцать пять, а то и больше. Когда я видела тебя в очереди на регистрацию, мне показалось, что ты тощий и невысокий, как старшеклассники из моей школы, но вблизи, присмотревшись, я заметила, какие у тебя крепкие и загорелые руки и обветренная кожа. Загар был темным, как земля.

– Я Тай, – сообщил ты.

Потом стрельнул глазами по сторонам, снова посмотрел на меня и протянул руку. Теплые шершавые пальцы коснулись тыльной стороны моей ладони. Ты взялся за нее, задержал в руке, но так и не пожал. Ты поднял брови, и только тогда я сообразила, чего же ты ждешь.

– Джемма.

Ты кивнул, будто уже знал мое имя. Вправду ведь знал.

– Где твои родители?

– У гейта, ждут меня. – Вдруг мне стало тревожно, поэтому пришлось добавить: – Я обещала, что быстро вернусь – только сбегая за кофе.

Уголок рта приподнялся, ты усмехнулся.

– Когда вылет?

– Примерно через час.

– А куда?

– Во Вьетнам.

Ты явно был под впечатлением. И я улыбнулась тебе – кажется, впервые.

– Мама вечно куда-нибудь ездит, – добавила я. – Она куратор в музее – это что-то вроде художника, только она не создает предметы искусства, а собирает по всему миру.

Не знаю, почему я сочла нужным объяснить. Наверное, просто по привычке, потому что в школе многие расспрашивали про ее работу.

– А твой отец?

– Он работает в городе – биржевой брокер.

– В офисном костюме, значит.

– Вроде того. По мне так скучотища – следить за чужими деньгами, а ему нравится.

Я заметила, что заболталась, и глотнула кофе, чтобы на время заткнуться. И, пока пила, следила, как тонкая струйка пота стекает по твоему лбу. Перегреться ты не мог: мы сидели прямо под кондиционером. Я обратила внимание на то, как нервно ты оглядывался по сторонам. Я думала, ты просто застенчив, поэтому дергаешься. И посчитала это милым. Но было еще что-то в тебе смутно знакомое, что я никак не могла вытащить из своей памяти.

– М-да... – пробормотал ты. – А сама чем хочешь заняться? Устроиться на работу, как отец? Путешествовать, как мама?

Я пожала плечами:

– Это им такое нравится. А я не знаю. Как-то ничего не греет.

– Нет... особого смысла во всем этом?

– Ага, наверное. То есть они же просто что-то собирают. папа – чужие деньги, мама – чужие картины. А что они сделали сами?

Я отвернулась. Не выношу разговоров о работе родителей. Весь перелет из Лондона мы только о ней и говорили: мама без умолку болтала о картинах, которые хотела купить во Вьетнаме. Как раз когда я меньше всего хотела это обсуждать.

Ты снова засмеялся, глядя на меня. Чайная ложка балансировала на твоём большом пальце. А я по-прежнему не могла решить, стоит ли мне быть здесь, рядом с тобой. Но, знаешь, странное дело: хотелось рассказать тебе обо всем. И я, наверное, так и сделала бы, если бы не перехватило дыхание. Сколько раз потом я мечтала, чтобы на этом все и закончилось – на твоей улыбке и моих нервах, сплетенных в тугой клубок.

Я огляделась по сторонам, проверяя, не ищут ли меня родители, хотя знала: не ищут. Им и вдвоем неплохо, возле выхода на посадку, за чтением журналов, которые они прихватили с собой, чтобы не заскучать. И потом, мама ни за что не отправилась бы искать меня – это выглядело бы как поражение в споре. Она всё еще злилась из-за топики. Но я по-

чему-то озиралась по сторонам. Туча незнакомых лиц, особенно у прилавков с напитками. Люди, всюду люди. Скрежет и жужжание кофемашины. Визг малышей. Запах эвкалипта от клетчатой рубашки. Я отпила кофе.

– Что именно собирает твоя мама? – Негромкий голос снова завладел моим вниманием.

– В основном что-то оригинальное. Изображения зданий. Особые формы. Знаешь Ротко? Марка Ротко?

Ты нахмурился.

– Ну вот, в таком духе. По-моему, довольно претенциозно. И еще все эти бесконечные квадраты... – меня опять понесло.

Я сделала паузу и посмотрела на твою руку. Только тогда заметила, что она лежала поверх моей. Но с какой стати? Помню, подумала: «он что, клеится ко мне?» В школе никто так не делал. Под моим удивленным взглядом ты поспешно отдернул ее.

– Извини. – Ты огорченно пожал плечами, но в глазах почему-то горел огонек.

Я невольно улыбнулась в ответ и подбодрила:

– Наверное... переволновался.

Ты снова положил руку на стол, на этот раз рядом с моей, на расстоянии пары сантиметров. Стоило потянуться мизинцем, и я дотронулась бы до нее. Обручального кольца не было. Никаких других украшений тоже.

– Чем занимаешься? – решила наконец спросить я. – Ты,

значит, уже не в школе?

Сказала и поморщилась: мы оба заметили, как по-дурацки это прозвучало. Ты ведь явно старше любого парня, с которым мне случалось болтать. У тебя мелкие морщинки вокруг глаз и рта и тело взрослого мужчины. Да и держишься ты гораздо увереннее неуклюжих мальчишек из моей школы.

Ты вздохнул и откинулся на спинку стула.

– Можно сказать, что и я занят творчеством, – сказал ты. – Только квадраты не рисую. Путешествую понемногу, работаю в саду... строю. И всё такое.

Я кивнула так, будто тебя поняла. И хотела спросить, что ты делаешь здесь, со мной... и не видела ли я тебя раньше. Хотела узнать, что тебя во мне заинтересовало. Ведь я же не дура, чтобы не заметить, насколько младше тебя. Но не спросила. Наверное, нервничала и ни в коем случае не хотела заставлять тебя изворачиваться. И чувствовала себя такой взрослой, сидя с симпатичным мужчиной в кафе и потягивая кофе, которым он меня угостил. Может, я вовсе и не выгляжу малолеткой, думала я. И хоть из косметики не пользуюсь ничем, кроме блеска для губ, всё равно кажусь старше своих лет. Ты посмотрел в окно, а я тем временем высвободила из-за уха прядь волос. И покусала губы, чтобы они налились кровью и стали ярче.

– Ни разу не бывал во Вьетнаме, – наконец произнес ты.

– Я тоже. В Америку бы лучше съездить.

– Правда? Ту самую, с огромными городами, толпами народу?..

И тут ты остановил взгляд на пряди волос, которая упала мне на лицо. Спустя мгновение ты протянул руку, чтобы заложить ее за ухо, как было прежде. Немного осекся.

– Извини, я... – пробормотал ты и слегка покраснел. И задел мой висок.

Я почувствовала, как шершавы подушечки твоих пальцев. От этого касания ухо вспыхнуло. Твои пальцы скользнули к моему подбородку. Ты придержал его, не сводя с меня глаз, словно изучал при искусственном свете лампы над моей головой. А ведь *и вправду* изучал... блестящими, как звезды, глазами. Ты почти поймал меня, пригвоздил к этому месту в аэропорту Бангкока, будто я не я, а нечто маленькое, живое, привлеченное светом. Мне даже казалось, что внутри меня трепещут крылья. Шершавые крылья мотылька. Ты легко поймал меня, притянул к себе, точно я уже попала в сеть.

– А не хочешь в Австралию? – спросил ты.

У меня вырвался смешок – ты так серьезно это произнес. И сразу же отдернул руку.

– Конечно, – затаив дыхание, пожала плечами я. – Кому не хочется посмотреть мир?

Ты молча опустил глаза. Я повела головой, еще ощущая твое прикосновение. Мне хотелось, чтобы ты продолжал говорить.

– Ты австралиец?

Твой акцент меня озадачивал: ты говорил совсем не так, как актеры из «Соседей»¹. Временами выговор звучал совсем по-британски. А иногда — так, будто ты родом из неведомой страны. Я ждала, но ты не отвечал. Я дотянулась до твоего плеча и тронула его.

— Тай? — Я словно попробовала твое имя на вкус и отметила, что мне нравится, как оно звучит. — Ну и как там, в Австралии?

Тогда ты улыбнулся, и лицо сразу стало другим. Оно озарилось, словно свет выливался изнутри.

— Узнаешь.

Тут-то всё и переменялось. Я замедлилась, а мир вокруг, наоборот, ускорился. Удивительно, на что способна крошечная щепотка порошка.

— Как себя чувствуешь?

Ты смотрел в упор. Я приоткрыла рот, желая ответить, что в порядке, но слова не получались связными. Выходила какая-то невнятная каша, язык отяжелел и стал настолько толстым, что я не могла им пошевелить. Помню, огни ламп превратились в размытые костры. Помню, как поток воздуха из кондиционера охлаждал мне руки. Как смешивались запахи

---

¹ Австралийская мелодрама о жизни обычных людей, живущих в вымышленном пригороде Мельбурна. *Здесь и далее, если не указано иное, примеч. перев.*

кофе и эвкалипта. Ты крепко взял меня за руку. Схватил. Потащил прочь.

Должно быть, я, неуклюже поднимаясь на ноги, опрокинула стакан с кофе. Позднее я обнаружила у себя на ноге ожог – розовое пятно над левым коленом. Он до сих пор не прошел – немного сморщился, как слоновья кожа.

Ты заторопил меня. Я думала, мы идем к гейту, к родителям. Путь был длинным, гораздо длиннее, чем мне помнилось. Когда ты тащил меня по траволатору, казалось, будто мы летим. Разговаривая с какими-то людьми в форме, ты прижимал меня к себе так, будто я твоя подружка. И я кивала им и улыбалась. Потом ты повел меня вверх по каким-то лестницам. Сначала колени отказывались сгибаться, и я захихикала. Потом словно превратились в зефир. Воздух ударил меня запахами цветов, сигарет и пива. Где-то рядом были другие люди – тихо говорили, смеялись, повизгивая, как мартышки. Ты протащил меня через какие-то кусты, завел за угол неизвестного здания. У меня в волосах застряла веточка. Видимо, где-то поблизости находилась помойка. До меня долетала вонь гниющих фруктов.

Ты снова притянул меня к себе, заставил запрокинуть голову и что-то сказал. Казался размытым, нечетким, словно плавал в испарениях из мусорных баков. Твои губы шевелились, как гусеницы. Я протянула руку и попыталась поймать их. Ты сжал мои пальцы. Прикосновение пронзило меня. Ты сказал еще что-то. Я кивнула. Какая-то часть меня всё по-

няла. И я начала раздеваться. Снимая джинсы, я прислонилась к тебе. Ты протянул мне новую одежду. Длинную юбку. Туфли на высоких каблуках. И отвернулся.

Видимо, я надела всё это. Не знаю как. Потом ты снял рубашку. И прежде чем надел другую, я коснулась твоей спины. Теплой и твердой, темно-коричневой, как древесная кора. Не знаю, о чем я думала и думала ли вообще, но помню, как мне было необходимо дотронуться до тебя. Помню, какой была кожа на ощупь. Странно помнить прикосновения лучше, чем мысли. Но память об этом до сих пор вызывает покалывание в пальцах.

Сменив рубашку, ты надел что-то колючее мне на голову и темное – на глаза. Я стала медлительной. Мой мозг не поспевал за мной. С глухим стуком что-то упало в мусорный бак. Я почувствовала, что губы стали липкими. Губная помада. Ты дал мне шоколадную конфету. Вкусную. Темную. Мягкую. С какой-то жидкой начинкой.

После этого всё окончательно запуталось. Когда я посмотрела вниз, то не увидела собственных ступней. Мы зашагали куда-то, мне казалось, я передвигаюсь на обрубках ног. И запаниковала было, но ты обнял меня одной рукой. Теплой и твердой... надежной. Я закрыла глаза и попыталась рассуждать здраво. Никак не могла вспомнить, где оставила сумку. Не помнила ничего.

Нас окружали люди. Ты втащил меня в толпу, повсюду были размытые лица и мутные краски. Вероятно, ты всё про-

думал: билет, новый паспорт, наш маршрут, как пройти мимо охраны. Что это было – безупречно спланированное похищение или просто удача? Как у тебя вышло провести меня через аэропорт Бангкока и посадить в другой самолет – чтобы этого не заметил никто, даже я сама?

Ты по-прежнему скармливал мне шоколадки. Этот насыщенный вкус... я постоянно чувствую его во рту. До тебя я обожала шоколад. А теперь даже от запаха воротит. После третьей конфеты в глазах потемнело. Стало холодно, надо было прижаться к тебе, чтобы согреться. Ты негромко говорил с кем-то обо мне.

– Перебрала с выпивкой, – объяснял ты. – Мы праздновали.

Потом мы втиснулись в туалетную кабинку. Подо мной зашумела вода, вытягивая содержимое унитаза.

А после мы опять шли. Возможно, по другому аэропорту. Снова люди... Запах цветов – сладкий, тропический и свежий, как будто после дождя. Помню, было темно. Ночное время. Но не холодно. Пока ты тащил меня через парковку, я начала приходить в себя. И стала отбиваться. Пыталась закричать, но ты толкнул меня за какой-то грузовик и прижал тряпку ко рту. Мир вновь стал размытым. Я обмякла, завалилась на тебя. Из того, что было дальше, смутно помню рев двигателя. Нескончаемый. И как меня укачало в машине.

Но что я хорошо запомнила, так это пробуждение. И жару. Она словно вцепилась мне в горло, пыталась задушить.

Хотела, чтобы я снова провалилась в черноту. А потом накрыла боль... и тошнота.

Хорошо еще, ты не привязал меня к кровати. За это спасибо. В кино жертв всегда привязывают к кровати. Но сдвинуться с места я всё равно не могла. Всякий раз, стоило мне только шевельнуться, начинало мутить, кружилась голова. Я была укрыта тонкой простыней. Но казалось, я лежу посреди костра. Я открыла глаза. Всё вокруг виделось искаженным, белесым, размытым. Я находилась в какой-то комнате. Стены были из дерева – из длинных досок, скрепленных болтами по углам. Свет резал глаза. Тебя я не видела. Осторожно повернула голову, осматриваясь. Во рту вкус рвоты. Сглотнула слюну. Горло болело и было пересохшим настолько, что стало никчемным.

Я опять закрыла глаза. Попыталась дышать глубже. Проверила: руки на месте, ноги, ступни. Пошевелила пальцами. Все работали. Пощупала живот. На мне была футболка, лифчик врезался в тело. Ноги голые, джинсы куда-то девались. Я нащупала край простыни, потом положила ладонь на бедро. Кожа была горячей, ладонь почти сразу начала липнуть к ней. Часов на запястье не оказалось.

Я провела ладонью по трусам, потрогала тело через них. Не знаю, о чем я думала и чего ожидала. Может, найти за-

сохшую кровь. Или рваную рану. Ощутить боль. Но нет, ничего подобного. Ты снимал с меня трусы? Входил в меня? И если да, зачем удосужился надеть их снова?

– Я тебя не насиловал.

Я вцепилась в простыню. Повернула голову. Попыталась отыскать тебя взглядом. Глаза по-прежнему отказывались работать как следует. Ты был где-то за мной, я определила это по звуку. И попыталась отодвинуться к краю кровати, подальше от тебя, но руки не слушались. Они задрожали, и я упала на постель лицом вниз. В ушах стучала кровь. Я словно слышала, как мое тело просыпается и оживает. Попробовала подать голос, получилось только захныкать в подушку. Я услышала, как ты сделал шаг.

– Твоя одежда возле кровати.

От твоего голоса я вздрогнула. Где ты? Как близко? Я приоткрыла глаза. Их почти перестало резать. Рядом с кроватью на деревянном стуле лежали аккуратно свернутые новые джинсы. Куртки на стуле не оказалось. Моей обуви тоже не было рядом. Вместо нее под стулом я увидела пару коричневых кожаных ботинок. Походных, на шнурках. Не моих.

Я слышала по шагам, что ты приближаешься. Попыталась свернуться в комочек, отпрянуть. Это далось мне тяжело. Тело было слишком медлительным. Но мозг работал, сердце колотилось. Я попала в плохое место. Это я отчетливо понимала. Но не знала, как здесь очутилась. Не знала, что ты сделал со мной.

Половицы скрипнули еще пару раз, и страх, словно волна, пронзил меня от груди до горла. Я увидела светло-коричневые брюки карго. На уровне глаз находилась ткань брюк – от колен до промежности, – и я заметила несколько красноватых пятен на ней. Ты молчал. Я слышала, как учащается мое дыхание. Вцепилась в матрас. Заставила себя посмотреть выше. Пока не увидела твое лицо. На миг перехватило дыхание. Не знаю почему, но у меня оставалась надежда, что это не ты. Не хотелось, чтобы у человека, стоящего сейчас возле кровати, было то самое лицо, которое мне так понравилось в аэропорту. Но это был ты: голубые глаза, светлые волосы и шрамик. И ты уже не казался красивым. Просто злым.

Твое лицо было бесстрастным. Голубые глаза – ледяными. Губы – тонкими. Я натянула простыню выше, оставив на виду только глаза – наблюдала за тобой. Всё во мне заледенело. Ты стоял рядом в ожидании, когда же я заговорю, ждал вопросов. Но не дождался, поэтому начал сам.

– Это я привез тебя сюда, – сказал ты. – Тебя тошнит от препаратов. Некоторое время ты будешь чувствовать себя странно – одышка, головокружение, тошнота, галлюцинации...

Твое лицо завертелось у меня перед глазами. Я зажмурилась. Под веками вспыхивали крошечные искры, целая галактика маленьких вращающихся звезд. Я слышала, как ты подступаешь. Приближаешься. Попыталась заговорить.

– Зачем? – еле прошептала я.

– Пришлось.

Кровать скрипнула, матрас слегка приподнялся подо мной. Я отшатнулась. Попыталась скинуть ноги на пол, но они не слушались. Весь мир будто вращался вокруг меня. А я боялась соскользнуть в бездну. Свесив голову, я ждала, что вот-вот начнется приступ рвоты. Но он не начинался. Я крепко обхватила согнутые ноги. В груди защемило так, что слез было не сдержать.

– Где я?

Перед тем как ответить, ты выдержал паузу. Вдох и выдох. Поерзал на месте, шурша одеждой. Только тогда я поняла, что не слышу никаких звуков, кроме тех, которые исходят от тебя.

– Ты здесь. В безопасности.

Не знаю, сколько я проспала. Этот промежуток времени был смутным, как изощенный кошмар. Кажется, в какой-то момент ты принес мне еды и заставил попить. Но не мыл меня. Я точно знаю, потому что, когда снова проснулась, от меня воняло. Я вся была горячая и потная, футболка прилипла к телу. И хотелось в туалет.

Я лежала, прислушиваясь. Напрягала слух, чтобы хоть что-нибудь различить. Но было тихо. Зловеще тихо. Ни скрипа, ни твоих шаркающих шагов. И никаких признаков

присутствия других людей. Ни шума транспорта. Ни отдаленного гула шоссе. Ни грохота поездов. Ничего. Только эта комната. И зной.

Я начала себя осматривать, осторожно подняла одну ногу, потом другую, пошевелила пальцами. На этот раз конечно-сти уже не казались тяжелыми, я понемногу приходила в себя. Так тихо, как только могла, я приподнялась, огляделась. Тебя в комнате не было. Я одна. Двухспальная кровать, тумбочка возле нее, комод и стул с джинсами на нем. Вся мебель деревянная, простая. Стены пустые. Слева я увидела окно за тонкой занавеской. Снаружи ярко светило солнце. День. Жара. Прямо передо мной закрытая дверь.

Я выждала еще несколько минут, сосредоточилась на звуках. Потом с трудом повернулась. Голова закружилась, но я все-таки доползла до края. Вцепилась в матрас и заставила себя дышать. Оказалось, до сих пор я задерживала дыхание. Осторожно спустила на пол одну ногу. Потом вторую. Перенесла на ступни весь вес, схватившись за угол тумбочки. В глазах темнело, но я всё равно стояла, прислушиваясь. Однако так ничего и не услышала.

Я дотянулась до джинсов и села на кровать, чтобы надеть их. Плотные и тяжелые, они липли к ногам. Пуговица врезалась в низ живота, писать захотелось еще сильнее. Обуваться я не стала: босиком меня не так слышно. Я сделала шаг к двери. Пол был деревянным, он холодил ступни, между половицами зияли темные щели. Ноги казались негнушимися

стволами. Я как-то доковыляла до двери. И опустила ручку.

За дверью было темнее. Когда привыкли глаза, я увидела длинный коридор – опять сплошь дерево – с пятью дверями: две слева от меня, две справа и одна в самом конце. Я сделала первый шаг, и пол негромко скрипнул. Я похолодела. Но за дверями было по-прежнему тихо, ничто не указывало, что меня услышали, и я сделала еще шаг. За какой из этих дверей мой путь к спасению?

Я остановилась возле двери справа и взялась за холодную металлическую ручку. Надавила на нее, затаила дыхание и потянула на себя. Замерла. За этой дверью тебя не было. Только сумрачно-серая комната с раковиной и душем. Ванная. В глубине нее – дверь. Наверное, туалет. Некоторое время я колебалась, размышляя, не рискнуть ли и не сбегать ли пописать по-быстрому. Уж очень хотелось. Но сколько еще мне представится таких шансов? Может, этот единственный. И я попятилась в коридор. Пописать можно и прямо в джинсы. Или попозже, где-нибудь снаружи. Только прежде надо выбраться отсюда. Если получится, тогда всё будет в порядке. Я найду кого-нибудь, кто мне поможет. Найду, куда обратиться.

Тишина не прекращалась. Опираясь о стену, чтобы не упасть, я направилась к двери в конце коридора. Один шаг, другой. При каждом – тихий скрип. Хватаясь руками за обшитую досками стену, я насажала в пальцы заноз. И дышала по-собачьи часто и шумно, глаза бегали, я пыталась хоть

как-нибудь сообразить, где нахожусь. Пот струился по шее, стекал по спине за пояс джинсов. Последним, что я помнила отчетливо, был аэропорт Бангкока. Но я ведь летела на самолете, так? И ехала в машине? Или привиделось? А где мои родители?

Я сосредоточила внимание на шагах, чтобы они были осторожными и бесшумными. Но мне хотелось визжать и биться в панике. Только следовало держать себя в руках – это я хорошо понимала. Стоило задуматься о том, где я и что произошло, как страх парализовывал меня.

Последняя дверь легко открылась. За ней была большая, слабо освещенная комната. Я поспешно отступила обратно в коридор, готовая к бегству. Меня мутило, терпеть становилось все труднее. Но и в этой комнате не было никаких признаков присутствия людей. И ни звука. Быстро обведя комнату взглядом, я убедилась, что тебя в ней нет. Я различила очертания дивана и трех деревянных кресел – грубых и примитивных, как мебель в спальне. У одной стены виднелось что-то вроде камина. Стены и здесь сплошь покрывали доски. От задернутых штор на окнах свет в комнате был приглушенным, коричневатым. Никаких украшений. Ни одной картины. Эта комната казалась пустой и неудобной, как и весь дом. А воздух в ней – спертый и тяжелым, плотным, как пальто.

Середину кухни слева по коридору занимал стол, вдоль стен выстроились кухонные шкафы. Здесь занавески тоже

оказались задержаны, хотя сквозь матовое стекло двери лился яркий свет. Дверь наружу. К свободе. По стенке я побрела к ней. Боль внизу живота усиливалась, джинсы были слишком тугими. Но я дошла до двери. Взялась за ручку. Медленно нажала на нее, ожидая, что дверь окажется запертой. Но нет. От удивления я громко вдохнула. Потом опомнилась и потянула дверь. Открыла ее ровно настолько, чтобы проскользнуть в щель. И вышла наружу.

На меня обрушился солнечный свет. Всё вокруг было ослепляющим, до боли ярким. И жарким. Гораздо жарче, чем в доме. У меня мгновенно пересохло во рту. Чувствуя, с каким трудом не дается каждый вдох, я облокотилась о стену у двери. Прислонила ко лбу ладонь, сложенную козырьком, и попыталась не щуриться. Вся эта сияющая белизна резала глаза. Я словно попала на тот свет. Только ангелов не было видно.

С трудом открыла глаза. Кроме дома, откуда я вышла, заметила еще два строения справа. С виду – временки, наскоро собранные из полос металла и досок. Рядом с ними, под железным навесом, – побитый внедорожник и трейлер. А дальше – всё остальное.

Я поперхнулась. Впереди, насколько хватало взгляда, не было ничего. Только плоская, неизменно бурая земля до горизонта. Песок, опять песок, редкие низкорослые кусты и кое-где – деревья, голые, без листвы. Земля выглядела сухой и бесплодной. Я попала в никуда.

Я огляделась. Здесь не было никаких других строений. Вообще ничего: ни дорог, ни людей. Ни телефонных проводов. Ничего. Одна пустота. Только палящее солнце и горизонт. Я впилась ногтями в ладонь, и боль подтвердила: это не сон.

Едва сдвинувшись с места, я уже осознавала, что это конец. Куда мне бежать? Здесь же всё одинаковое. Теперь-то я поняла, почему ты не стал ни запира́ть двери, ни привязывать меня к кровати. Вокруг никого нет. Кроме нас.

Я еле переставляла негнувшиеся ноги, мышцы бедер сразу же начали ныть. Жгло босые ступни. Бурая земля лишь казалась голой, а на самом деле на ней было полно колючек и острых камушков, шипов и мелких корней. Скрипя зубами и не поднимая головы, я старалась передвигаться короткими прыжками. Но было больно наступать на раскаленный песок.

Конечно, ты меня заметил. Не успев отойти от дома и на сто метров, я услышала, как завелась машина. Но я продолжала идти, каждый шаг отзывался острой болью в мочевом пузыре. Даже ускори́лась. Не сводя глаз с далекой точки на горизонте, я почти бежала. Я задыхалась, ноги отяжелели. Ступни кровоточили. Я слышала, как машина взрывает ши́нами сухую землю, нагоняя меня.

Попыталась бежать зигзагами, думала, это заставит тебя сбросить скорость. Чуть не сходила с ума, задыхаясь, всхлипывая, хватая ртом воздух. Но ты не отставал, ехал следом так быстро, что машину заносило и двигатель ревел. Я уви-

дела, как ты крутишь руль, чтобы повернуть.

Я тоже изменила направление, но ты, как ковбой с лассо, принялся ездить кругами, преграждая мне путь всякий раз, в какую бы сторону я ни повернула. Ты преследовал меня по пятам, загонял, словно зверя. И знал, что вскоре наступит момент, когда у меня больше не останется сил бежать, – это лишь вопрос времени. А я, как обезумевшая корова, не останавливалась и продолжала убегать от тебя, сужая круги. И не могла в конце концов не упасть.

Машина остановилась и затихла.

– Бесполезно, – крикнул ты. – Здесь ничего не найти. Ничего и никого.

И тут я разрыдалась, вырвались бурные всхлипы, казалось, конца им не будет. Ты открыл дверцу машины, схватил меня сзади за футболку и потащил к себе, а я судорожно цеплялась пальцами за землю. Обернувшись, я укусила тебя за руку. Изо всех сил. Ты чертыхнулся. Я знала, что вышло до крови. Во рту остался ее привкус.

Я вскочила и бросилась вперед. Но ты опять догнал меня, да так быстро. На этот раз ты придавил меня к земле. Губы мазнули по песку. Ты был сверху, прижимался грудью к моей спине, обхватил ногами бедра.

– Угомонись, Джемма. Неужели не поняла еще, что бежать некуда? – прорычал ты мне в ухо.

Я продолжала отбиваться, но ты очень тяжелый. Во рту расплылся земляной привкус, стало нечем дышать.

И я описалась.

Всю обратную дорогу я кричала и отбивалась. Снова укусила тебя. И еще несколько раз. И плевалась. Но ты меня так и не отпустил, только повторял:

– Там ты сдохнешь. Неужели не дошло?

Я лягалась изо всех сил, била тебя по голеним, промежности, везде, куда только могла дотянуться. От этого ты лишь тащил меня быстрее. А ты сильный. Для тощего с виду парня чертовски силен. Ты волок меня по земле обратно к дому. Я пинаясь и визжала, как бешеная. Ты протащил меня через кухню в полутемную ванную. Я размахивала кулаками, орала, пыталась высадить дверь. Но всё напрасно. Ты запер ее снаружи.

Внутри не было окон, которые можно выбить. Я открыла дверь в глубине ванной. Как и думала, за ней оказался унитаз. К нему спускались две ступеньки. Вместо половиц – голая земля, которая опять исколола мне ступни. Окон не было, а стены, видно, наскоро сколотили из толстых занозистых досок с едва заметными щелями между ними. Я попробовала пошатать их, но они не поддались. Подняла крышку унитаза: оттуда, из глубокой черной дыры, несло дерьмом.

Вернувшись в ванную, я заглянула в шкафчик над раковиной. И принялась с силой швырять о дверь всё, что там на-

шлось. Бутылка антисептика разбилась, разбрызгав повсюду жидкость с резким запахом. Ты вышагивал туда-сюда по другую сторону двери и бормотал:

– Не надо, Джемма. Ты же всё изведешь.

Я звала на помощь, пока не осипла. Толку от этого не было никакого. Немного погодя стала просто голосить без слов в попытках заглушить тебя. Молотила по двери обеими руками, пока они не покрылись синяками до локтей, ободрала кожу на запястьях. Я была в отчаянии. В любой момент ты мог войти сюда с ножом, или с пистолетом, или еще чем похуже. Я искала хоть что-нибудь, чем можно защититься. Мне попался острый осколок стекла от бутылки антисептика.

Дверь скрипнула – ты привалился к ней с той стороны.

– Просто успокойся, – срывающимся голосом выговорил ты. – Это ни к чему.

Потом, видимо, уселся в коридоре напротив ванной. Я поняла это, потому что видела твои ботинки в щели под дверью. И я села спиной к стене ванной, пропахшей антисептиком и кислой вонью мочи от моих джинсов. Немного погодя я услышала, как тихо звякнул ключ, который ты вынул из замка.

– Оставь меня в покое! – заорала я.

– Не могу.

– Пожалуйста!

– Нет.

– Чего ты хочешь? – Теперь я всхлипывала, сжавшись в тугой комочек. И пыталась стереть кровь со ступней, которые изранила во время неудавшегося побега.

Я слышала, как ты стукнул о дверь ладонью, а может, лбом. Твой голос прозвучал резко.

– Я тебя не убью, – сказал ты. – Не убью, ясно?

Но от этого в горле у меня стало еще суше. Я не верила.

Ты замолчал так надолго, что я задумалась, неужели ты ушел. Лучше уж твой голос, чем эта тишина. Я так крепко сжимала в руке осколок стекла от бутылки, что он начал врезаться в ладонь. Тогда я подняла его, поднесла к свету из трещины в стене. В стекле заблестела крошечная радуга. Я повернула осколок так, чтобы радуга заплясала у меня на руке. Прижала острый край осколка к пальцу, и на нем набухла капля крови.

Я задержала осколок над левым запястьем, гадая, смогу ли решиться, потом медленно опустила стекло. Провела линию сбоку на руке. Начала проступать кровь. Боли не было. Руки слишком онемели оттого, что я долго колотила в дверь. Крови выступило не много. Две капли упали на пол, и я невольно ахнула, не веря глазам, что я все-таки решилась. Позднее ты говорил, что это удалось мне под остаточным действием препаратов, но, по-моему, все-таки нет. В тот момент я была настроена решительно. И, наверное, предпочла бы покончить с собой, чем дожидаться, когда меня прикончишь ты. Переложив стекло в левую руку, я посмотрела на правое за-

пястье.

Тут ты и ворвался. Дверь распахнулась, ты мгновенно схватил у меня осколок стекла, с силой сжал меня. Я успела ударить тебя в глаз. А ты потащил меня в душ.

И приоткрыл кран. Мутная, коричневатая вода захлестала рывками, застонали трубы. В воде плавало что-то черное. Я отшатнулась подальше. Кровь капала в воду, смешивалась с ней, кружила в водовороте. Но мне нравилось, что нас разделяет вода. В ней я видела союзницу.

Ты достал полотенце из ящика у двери, поставил его под воду, хорошенько намочил. Потом закрыл кран и шагнул ко мне. Вжимаясь спиной в потрескавшийся кафель, я завопила, чтобы ты не приближался. Но ты не слушал. Ты встал на колени в воду и прижал полотенце к порезу. Я резко дернулась и ударилась головой.

Снова все исчезло.

Очнулась я на кровати, с прохладной повязкой на запястье. Джинсов на мне уже не было. Ноги, тоже в бинтах, оказались привязаны к столбикам кровати жесткой кусачей веревкой. Я попыталась пошевелить ногой, проверяя, как крепко привязана, и ахнула от боли, пронзившей обе ноги.

А потом увидела возле окна тебя. Занавески были приоткрыты, ты смотрел наружу. Я видела, что ты хмуришь лоб.

Вокруг глаза расплылся синяк. Наверное, моя работа. В тот момент твою кожу осветлил луч солнца, и ты перестал походить на похитителя. Вид у тебя был усталый. У меня колотилось сердце, но я запретила себе отводить взгляд. Зачем ты привез меня сюда? Что тебе надо? Если бы хотел что-нибудь сделать со мной, наверняка бы уже сделал, разве не так? А может, ты решил извести меня ожиданием.

Ты обернулся и увидел, что я проснулась.

– Больше так не делай, – сказал ты.

Я заморгала.

– Этим ты только навредишь себе.

– А разве это важно? – У меня получалось только шептать.

– Конечно.

Ты внимательно смотрел на меня. Выдержать твой взгляд я не могла. Эти глаза. Голубые. Смотрят пристально. Невыносимо было видеть в них заботу. Я запрокинула голову и уставилась в потолок. Он был выгнутый, металлический.

– Где я?

Я подумала про аэропорт. Про родителей. Про то, куда исчез остальной мир. Краем глаза я заметила, как ты медленно покачал головой.

– Не в Бангкоке, – ответил ты. – И не во Вьетнаме.

– А где тогда?

– Рано или поздно сама поймешь.

Ты опустил голову на ладони, потом осторожно пощупал кончиками пальцев синяки вокруг глаз. Под твоими корот-

кими ногтями виднелась грязь. Я снова пошевелила ногами. Щиколотки были мокрыми от пота, но недостаточно скользкими, чтобы высвободиться из веревочных петель.

– Хочешь пить? – спросил ты. – Или есть?

Я отказалась. И почувствовала, как по щекам снова текут слезы.

– Что происходит? – прошептала я.

Ты поднял голову и уставился на меня. Блеснули глаза, но на этот раз они не были ледяными. Слегка оттаяли. И казались влажными. На миг у меня мелькнула мысль, что ты тоже плачешь. Ты заметил, что я наблюдаю за тобой, и отвернулся. Потом вышел из комнаты и через несколько минут вернулся со стаканом. Присел рядом со мной на постель, протянул воду и сказал:

– Я ничего тебе не сделаю.

Я оставалась в постели. Наволочка пропиталась слезами. Простыни – потом. Вся постель провоняла. Я старалась поменьше двигаться. Время от времени приходил ты – сменить повязки на ногах. Я была вялая, плавилась от жара собственного тела.

Позднее ты говорил, что так продолжалось всего день или два. А мне казалось, несколько недель. От слез опухли веки. Я старалась придумать, как сбежать, но мозги тоже буд-

то плавилась. Зато я тщательно изучила потолок, занозистые стены и деревянную оконную раму. Привыкла к коричневатой воде с землистым привкусом, которую ты оставлял у постели. Я пила, только когда ты не видел. Однажды погрызла орехов и семечек, которые ты принес в миске, но сначала осторожно подержала их на языке, хотела убедиться, что к ним не подмешано никакой отравы. Ты заходил ко мне, пытался завести разговор. Всякий раз один и тот же.

– Хочешь помыться?

– Нет.

– А поесть?

– Нет.

– А попить? Тебе обязательно надо пить воду.

– Нет.

Пауза: ты задумался, что бы еще предложить.

– Хочешь выйти из дома?

– Только если ты отвезешь меня в город.

– Здесь нет городов.

Один раз после короткого разговора ты не вышел из комнаты, как делал обычно. Вместо этого вздохнул и отошел к окну. Я заметила, что синяк у тебя под глазом посветлел, из густо-лилового сделался грязновато-желтым: так я узнала, что прошло время. Ты посмотрел на меня, на лбу пролегла глубокая морщина. Потом ты вдруг раздернул занавески. Свет хлынул в комнату, я отпрянула и спряталась под простыню.

– Давай выйдем, – сказал ты. – Осмотримся.

Я отвернулась и от света, и от тебя.

– За домом всё не так, – пояснил ты. – Мы ходим туда.

– А ты отпустишь меня там, за домом?

Ты покачал головой.

– Там некуда бежать. Я же тебе говорил. Здесь глухомань.

Наконец ты меня уговорил. Я кивнула. Но не потому, что ты этого хотел. Просто я не верила, что там ничего нет. Должно же быть хоть что-нибудь: городок вдалеке, шоссе, хотя бы столбы с проводами. Никакой глухомани на планете уже не осталось.

Ты развязал ноги. Размотал бинты и приложил ладонь к моим расцарапанным ступням. А я думала, будет гораздо больнее. Ты проверил и рану на запястье. Она шелушилась и была красновато-бурой, но порез затянулся.

Ты хотел поднять меня с постели, но я оттолкнула тебя. И даже от этого прикосновения меня затрясло. Я отползла на другую сторону кровати и встала.

– Сама справлюсь.

– Ну конечно, как это я забыл, – отозвался ты. – Я же пока не отрубил тебе ступни.

И ты хмыкнул над собственной шуткой. Я сделала вид, что не расслышала. Ноги тряслись так, что трудно было стоять. Я заставила себя сделать шаг. Ступню пронзила боль. Я затаила дыхание. Но не сидеть же мне в этой комнате вечно.

Ты отвернулся, пока я надевала джинсы. Они уже были

выстираны и высушены, пятна, напоминавшие о том, как я ползала по земле, исчезли. К тому моменту, как я наконец собралась выйти из комнаты, на меня навалилась слабость, и я ждала, что вот-вот отключусь. Надо было соглашаться по-есть, когда ты предлагал. Я плелась по коридору, ты следовал за мной. Шагал бесшумно, даже пол ни разу не скрипнул. Я повернула в уже знакомую кухню, но ты удержал меня за руку. От касания я вздрогнула, не решаясь посмотреть на тебя.

– Сюда, – сказал ты.

Я стряхнула с руки твои пальцы, отступила на несколько шагов. Ты повел меня через гостиную, где шторы были по-прежнему задернуты, пришлось поморгать, чтобы глаза привыкли к свету. С очередным шагом что-то вонзилось мне в стопу. Стало больно. На глаза навернулись слезы, я поспешно смахнула их, пока ты не заметил. Подняв ногу, я выдернула из нее маленький золотистый гвоздик вроде тех, на какие вешают картины. И мимоходом удивилась, зачем он нужен здесь, где на него нечего вешать.

Мы прошли что-то вроде крытой террасы с другой стороны дома. Ты открыл дверь, и я прищурилась от яркого света. Вдоль всего здания тянулась веранда. Я дохромала до плетеного дивана, повалилась на него, притянула к себе ступню и осмотрела красную ранку.

А когда подняла голову, увидела валуны. Огромные, гладкие и округлые, метрах в пятидесяти от дома, раза в два длиннее его. Они были похожи на горстку шариков-марблс,

оброненных великаном. Два валуна побольше спереди, с глубокими расщелинами, и штук пять поменьше, тесно обступивших большие. Тонкие колючие деревья росли прямо из середины валунов и вокруг них, по краям.

Я глядела во все глаза. Эти камни разительно отличались от остального пейзажа, торчали из земли, будто большие пальцы. День клонился к вечеру, и спустя некоторое время я поняла: камни красные потому, что солнце озаряет их, придавая рыжевато-песчаной поверхности рубиновый оттенок.

– Это Отдельности, – сказал ты. – Так я их назвал. Они такие непохожие с виду... как будто... отделенные от всего остального, по крайней мере здесь, вокруг. Они одиноки, но они хотя бы все вместе.

Ты стоял рядом. Я поерзала, отодвигаясь от тебя, а ты взялся за торчавший из дивана стебель тростника и теребил, пока он не оторвался.

– Почему я раньше их не видела? – спросила я. – Когда бежала?

– Потому что не смотрела. – Ты оставил в покое тростник и поглядел на меня. Не дождавшись ответного взгляда, отошел к одному из столбиков веранды. – В то время ты была не в себе, поэтому мало что замечала.

Я вглядывалась в валуны, искала тропинки, проверяла, нет ли там чего-нибудь сделанного человеком. Какая-то пластиковая труба тянулась от камней до самого дома. И ныряла под дальний конец веранды, вблизи ванной. Возле основа-

ния камней виднелись равномерно расставленные деревянные столбы, как будто когда-то там находилась изгородь.

— А что с другой стороны? — спросила я.

— Ничего особенного. Почти то же самое. — Ты склонил голову набок, кивнул в сторону пыльной равнины. — Никакой это не путь к бегству, если ты об этом. Единственный шанс сбежать — это я. Тем хуже для тебя, потому что свой побег я уже совершил, прибыв сюда.

— А труба для чего? — спросила я, думая, что если она ведет к твоему дому, значит, за валунами должны быть и другие трубы, а значит, и другие дома.

— Это я ее проложил. Она для воды.

Ты чуть ли не с гордостью это заявил и похлопал себя по нагрудному карману, нащупывая что-то. Потом сунул руку в карман брюк и достал пакетик с сухими листьями и папиросную бумагу. Я обвела взглядом остальные карманы. В них что-то выпирало под тканью. Может, ключи от машины? Ты свернул длинную тонкую самокрутку и лизнул ее край, чтобы заклеить.

— Где мы? — снова спросила я.

— Везде и нигде. — Ты прислонился головой к столбу веранды и засмотрелся на камни. — Когда-то я нашел это место. Оно мое. — Ты задумался, изучая самокрутку. — Это случилось давным-давно. Я был тогда мальцом, пожалуй, вдвое ниже тебя ростом.

Я взглянула на тебя.

– Как ты сюда добрался?

– Пешком. Шел примерно неделю. Дошел досюда и упал.

– Совсем один?

– Ага. Эти камни дарили мне мечты... и воду, само собой. Оно особенное, это место. Я провел здесь недели две, устроил лагерь среди камней, выжил благодаря им. А когда вернулся домой, все изменилось.

Я отвернулась, не желая ничего знать о тебе и твоей жизни. Высоко в небе над нами кружила какая-то птица – крошечный крестик на бледном фоне из облаков. Я сжалась, чтобы сделаться как можно меньше, обхватила руками колени, притянула их к себе и попыталась удержать внутри страх, не дать ему с воплем вырваться наружу.

– Почему я здесь? – прошептала я.

Ты похлопал себя по карманам, вынул коробку спичек. Широким жестом указал на камни.

– Потому что это волшебство, здесь... красиво. И ты красивая... красивая Отдельность. Всё сходится. – Ты повертел самокрутку, зажав большим и указательным пальцами. Потом протянул мне. – Хочешь?

Я отказалась. Нет, не сходилось. Никто и никогда раньше не называл меня красивой.

– Что тебе надо? – мой голос дрогнул.

– Ну, это совсем просто. – Ты улыбнулся, самокрутка свесилась с твоих губ, приклеившись к ним. – Компании.

Ты прикурил, и от самокрутки распространился странный

запах — не такой противный, как от табака, не настолько резкий, как от травки. Ты глубоко затянулся, потом снова перевел взгляд на груды валунов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.